

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ С Я-СУБЪЕКТОМ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Н.А. Николина

*Московский педагогический государственный университет;
na.nikolina@mpgu.su*

З.Ю. Петрова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН; zoyar@mail.ru

Н.А. Фатеева

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН; nafata@rambler.ru

Аннотация: В статье рассматриваются конструкции идентификации с субъектом, выраженным местоимением Я, и метафорическим предикатом — именем существительным в именительном или творительном падеже. Эти конструкции служат в поэтической речи для самопрезентации и образной характеристики лирического субъекта. Материал исследования — тексты конца XVIII — XXI вв. из Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка. Цель статьи — выявить семантические классы образов сравнения в конструкциях метафорической идентификации с Я и определить разные типы Я-субъекта в них. В процессе анализа материала используются корпусный и структурно-семантический методы. На основе анализа материала в исследуемой конструкции выделяются три типа лирического субъекта: собственно-личный, ролевой и синкретичный, и отмечается характерное для поэтического текста размытие субъектных границ. В центре внимания находятся контексты, связанные с метафорической характеристикой собственно-личного субъекта, которые широко распространены в русской поэтической речи. Рассматриваются классы образов сравнения, характеризующих Я-субъекта. Отмечается, что самым объемным классом является класс наименований лиц, которые дифференцируются по отношениям родства, роду занятий, социальной роли, особенностям поведения и др. Кроме того, выделяются классы наименований частей тела, животных, растений, различных природных объектов и явлений, звуков, языковых явлений, созданных человеком предметов и некоторые другие. Делается вывод, что рассматриваемые конструкции самоидентификации в большинстве своем формируют образ лирического субъекта — поэта, который в поэтическом языке получает многоаспектную характеристику. Для образной характеристики поэта в данной конструкции особую роль играют классы образов сравнений «Птицы», «Звуки», «Языковые явления», «Музыкальные инструменты». В работе затро-

нута проблема обновления традиционных рядов образов сравнения, используемых в рассматриваемой конструкции, пополнение их новыми элементами, а также развитие новых классов образов сравнения в поэтическом языке. В статье также рассмотрены особенности композиции поэтических текстов, в которых используются конструкции метафорической самоидентификации: использование параллелизма, связанного с отсылкой к описываемым реалиям, а также соотнесение взаимосвязанных общей ситуацией лирического субъекта и адресата (Я — Ты).

Ключевые слова: лирический субъект; местоимение Я; конструкция самоидентификации; метафора; образ сравнения; собственно-личный субъект; ролевой субъект; синкретичный субъект

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-2

Для цитирования: Николина Н.А., Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Метафорические конструкции идентификации с Я-субъектом в русской поэзии // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 23–39.

METAPHORICAL IDENTIFICATION CONSTRUCTIONS WITH I-SUBJECT IN RUSSIAN POETRY

Nataliya A. Nikolina

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; na.nikolina@mpgu.su

Zoya Yu. Petrova

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; zoyap@mail.ru

Natalia A. Fateeva

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; nafata@rambler.ru

Abstract: The article examines identification constructions with a subject expressed by the pronoun I and a metaphorical predicate — a noun in the nominative or instrumental case. These constructions serve in poetic language for self-presentation and figurative characterization of the lyrical subject. The material for the study includes texts from the late 18th to 21st centuries from the Poetic Subcorpus of the Russian National Corpus. The purpose of the article is to identify semantic classes of vehicles in constructions of metaphorical identification with I and to determine the different types of I-subject within them. Corpus and structural-semantic methods are used in the analysis of the material. Based on the analysis of the material, three types of lyrical subject are distinguished in the construction under study: personal, role-based, and syncretic. A characteristic blurring of subjective boundaries in poetic texts is noted. The focus is on contexts associated with the metaphorical characterization of the personal subject, which are widespread in Russian poetic speech. Classes of vehicles characterizing the I-subject are considered. It is noted that the largest class is the class of names of persons, which are differenti-

ated by kinship relationships, occupation, social role, behavioral characteristics, etc. In addition, classes of names of body parts, animals, plants, various natural objects and phenomena, sounds, linguistic phenomena, man-made objects, and some others are identified. It is concluded that the self-identification constructs under consideration largely shape the image of the lyrical subject—the poet—who receives a multifaceted characterization in poetic language. In this construction, the vehicles of semantic classes “Birds”, “Sounds”, “Linguistic phenomena”, and “Musical instruments” play a special role in the poet’s figurative characterization. The paper addresses the evolution of the traditional series of vehicles used in this construction, addition of new elements to them, and developing new classes of vehicles in poetic language. The article also examines the compositional features of poetic texts that employ metaphorical self-identification structures: the use of parallelism associated with references to the described realities, as well as the correlation of the lyrical subject and addressee (I — You) interconnected by a common situation.

Keywords: lyrical subject; pronoun I; self-identification construction; metaphor; vehicle; proper personal subject; role-based subject; syncretic subject

For citation: Nikolina N.A., Petrova Z.Yu., Fateeva N.A. (2026) Metaphorical Identification Constructions with I-subject in Russian Poetry. *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 23–39.

В русской поэзии конца XVIII–XXI вв. широко распространены конструкции идентификации с местоимением Я. Они являются потенциально сильными как для саморепрезентации (самохарактеризации), так и для метафоризации. Я в этой конструкции не только указывает на говорящего, но и служит основным механизмом самоописания. Как отмечает С.Т. Золян, «в поэтическом тексте становится возможным перемещение “Я” в другие миры, времена, локусы, а также установление сходных с метафорическими <...> отношений между Я — актуальным говорящим и Я- высказывания в разных семиотических статусах» [Золян 2023: 26]. В рассматриваемых конструкциях заложены «практически неограниченные ресурсы семантических отождествлений, сравнений, взаимоперемещений и перевоплощений, характеризующиеся субъективным началом, неожиданностью, непредсказуемостью, а в ряде случаев — преувеличенностью, недостоверностью, своего рода фантастичностью» [Стариченок 2014]. Такие конструкции с метафорическим предикатом и служат объектом рассмотрения в нашей статье.

Эти конструкции строятся по модели «Я — X». В позиции X выступают имена существительные разной семантики, при этом в конструкции могут использоваться разные формы времени глагола *быть*. Наиболее часто встречаются предложения с нулевой связкой (настоящее время): «Я царь, — я раб, — я червь, — я Бог!» (Г. Державин) (с тире или без тире), реже — с формами прошедшего и буду-

щего времени: «Я прежде был пристав Крылатого Пегаса; За стойлами Парнаса Душистыми глядел» (В. Жуковский), «Какое счастье, милый брат! Я буду в мудрости соперник Пифагора!» (К. Батюшков).

Рассматриваемые конструкции могут быть как утвердительными, так и отрицательными: «ведь чувства во мне не затворены, Я не бездушный гранит» (Н. Некрасов), а также содержать вопрос: «Зачем я не птица, не ворон степной, Пролетевший сейчас надо мной?» (М. Лермонтов), «Ужель я тварь слепого рока?» (Н. Арцыбашев).

Конструкции с Я-субъектом неоднократно привлекали внимание исследователей. При этом основное внимание уделялось семантике местоимения Я, механизмам самоописания и типологии лирических субъектов [Степанов 1985; Ковтунова 1986; Левин 1998; Золян 2023; Малкина 2025; Корчагин 2024; Палеха 2010; Маркасова 2023], а также роли местоимения Я в поэтическом языке по лексикографическим данным [Шестакова, Кулева 2025]. Изучению лирического субъекта были посвящены два сборника статей, вышедшие в Германии, «Субъект в новейшей русскоязычной поэзии — теория и практика» [2018] и «Субъект и лиминальность в современной поэзии» [2020], а также выпуск журнала *Russian Literature* [2019]. В статье В.Д. Стариченка «Категория вторичности и ее репрезентация в поэтическом дискурсе, на материале суппозитивных структур» [2014] на материале русских поэтических текстов были выделены разные семантические типы метафор в конструкциях самоидентификации. Несмотря на значительное количество работ, в которых рассматриваются конструкции с Я-субъектом, они остаются недостаточно изученными в лингвистическом аспекте, не прослежена их динамика в истории русской поэзии.

Цель нашей работы — выявить семантические классы образов сравнения в конструкциях метафорической идентификации с Я и определить разные типы Я-субъекта в них¹.

¹ Интересно сравнить полученные нами результаты с семантическими классами образов сравнения, характеризующих человека, в таких словарях, как: *Иванова Н.Н., Иванова О.Е. Словарь языка поэзии: выразительные средства русской лирики конца XVIII — первой трети XX в. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015; Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1 «Птицы». М.: Языки русской культуры. М., 2000; Вып. 2 «Звери, насекомые, рыбы, змеи». М.: Языки славянских культур. М., 2010; Вып. 3 «Растения». М.: Языки славянских культур, 2015; Вып. 4 и 5 «Камни, ткани». М.: Издательский дом ЯСК, 2017; Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: в 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 1999, однако в этих словарях специально не выделены как конструкции с Я-субъектом, так и конструкции метафорической идентификации.*

Материал исследования — около 2000 контекстов с местоимением Я в конструкции идентификации, отобранные из Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка.

Необходимо разграничить употребление рассматриваемых конструкций в двух разных типах поэтических контекстов. С одной стороны, выделяются конструкции, в которых лирический субъект получает образную характеристику посредством языковой метафоры на основе уподобления себя другому лицу, животному, растению, природному явлению, предмету и др. Сам контекст, в котором присутствует и реальный, и метафорический план, позволяет определить при этом, что это именно метафора, например: «Я — волк, а Критика — облава!» (И. Северянин), «Я тот кукловод, / кто дергая нити строк, / Свою заглушает боль, печаль избывает...» (И. Лиснянская).

С другой стороны, встречаются конструкции, в которых в контексте нет специальных указаний на метафору и высказывание принадлежит говорящему субъекту, выступающему в другой роли (ролевой субъект); на это часто указывает название стихотворения: «Я жалкий *раб царя*. С восхода до заката, Среди других рабов, свершаю тяжкий труд» (В. Брюсов. Египетский раб), «я — *раб и рыцарь* Твой, Христос!» (Эллис. Тамплиер). В таких контекстах часто используются прецедентные имена: «Я — *Хеопс богоравный*, я — солнцем рожден: Звуки славы моей на морях и на суше Отдаленных достигнут времен» (П. Якубович), «Я — *царь великих вод Тутанкамон* В двойной короне пламени и влаги» (И. Голенищев-Кутузов).

В поэтической речи часто наблюдаются контексты, которые трудно интерпретировать однозначно. Говорящий субъект в них может быть синкретичным, совмещая и собственно-личный, и ролевой субъект: «Я — *Гамлет*. Холодеет кровь, Когда плетет коварство сети, И в сердце — первая любовь Жива — к единственной на свете» (А. Блок), «Я *конквистадор* в панцире железном, Я весело преследую звезду, Я прохожу по пропастям и безднам И отдыхаю в радостном саду» (Н. Гумилев).

Таким образом, на основе анализа материала можно выделить три типа Я-субъектов, для которых предлагаются следующие термины: собственно-личный субъект, ролевой субъект и синкретичный субъект.

В поэзии нередко встречаются и контексты, в которых говорящий субъект — не человек. Подобные контексты а priori относятся к персонификации, поскольку Я-сущности в них наделяются речью. Говорить от первого лица могут субъекты различных семантических классов, при этом контекст может не содержать дополнительных метафор. Это:

«Отвлеченные понятия»: «Кто ты дружок? — спросил идущих человек. “Я удовольствие: так свет меня нарек”. А ты?.. Твой мрачный вид, походка, все вещает, Что в свете так тебя никто не величает. “Я? — я печаль!..”» (А. Мерзляков);

«Время»: «Друзья! я восемьсот, Увы! тринадцатый Весельем не богатый И старый очень год!» (В. Жуковский);

«Животные»: «Я — попугай с Антильских островов, Но я живу в квадратной келье мага» (Н. Гумилев); «Жужжит, Кружит жемчужный круг, И в жиже слов я жутко слышу: Я жук... Я жук... Я ночь живу» (А. Кусиков);

«Растения»: «И странник прижался у корня чинары высокой; Приюта на время он молит с тоскою глубокой И так говорит он: я бедный листочек дубовый, До срока созрел я и вырос в отчизне суровой» (М. Лермонтов);

«Природные объекты и явления»... «Я — предвечернее светило, Победно-огненный закат» (К. Бальмонт);

«Предметы, созданные человеком»: «Я — пирамида. Я вершиной — Одним окном — гляжу в лазурь, Любуюсь солнцем над равниной, Разбегом молний, пляской бурь» (В. Перелешин); «Я — комод налево. / Ни шагу, я — картина на стене...”» (С. Кирсанов);

«Сверхъестественные существа»: «Я — Велес, мирный бог. Меж спящих стад дозором Незримый я хожу, чтоб отвращать недуг И чары хитрых ведьм, пока дымится луг И звезды ночь пестрят серебряным узором» (П. Бутурлин).

В речи таких говорящих могут быть и метафорические конструкции, например, «Я называюсь Красотою, Я — строгой Истины сестра» (Н. Минский), «Я — только любовница, бледная, жалкая, Я — грёза Поэта, я — в мире безродная» (К. Бальмонт), [соловей] (*Вешний гость я, певчий странник* (А. Фет), [снежинка] «Я белая мушка, я пчелка небес, / я звездочка мертвой земли» (Эллис), [метеорит] «*Изгнанник неба, огненный гордец, Я — косный камень*» (В. Шилейко), [зеркало] «Я — глаз, лишенный век. Я брошено на землю, Чтоб этот мир дробить и отражать...”» (М. Волошин).

Элементы этих семантических классов имеют разную частоту употребления. Специальный квантитативный анализ не входил в рамки нашего исследования, однако приблизительные подсчеты показывают, что чаще всего в роли говорящего субъекта выступают единицы класса «Животные», затем следует класс «Предметы, созданные человеком», далее — «Растения» и «Природные объекты и явления», реже употребляются элементы классов «Отвлеченные понятия», «Время» и «Сверхъестественные существа».

В контекстах с говорящим, не принадлежащим к семантической категории «Человек», как и в рассмотренных выше случаях с ролевым

субъектом, Я-субъект тоже может в ряде случаев восприниматься как синкретичный: за говорящим субъектом — не-лицом может ощущаться собственно-личный субъект — автор соответствующего высказывания. Например, в стихотворении И. Анненского «Я на дне, я печальный обломок...» угадывается трагедия оторванности лирического субъекта — человека от целого. Стихотворение М. Лохвицкой «Праздник в теплице» тоже позволяет предполагать за речью лилии образ лирического субъекта: «Мне горькое бремя судьбою даровано, Я блекну под властью тоски и бессилия, Небесной мечтою — навек зачарована, Я — чистая, гордая, белая лилия».

В нашей работе преимущественно будут рассматриваться конструкции с собственно-личным субъектом, где его метафорическая характеристика носит явный характер.

Выделим основные семантические классы образов сравнения, характерные для этих конструкций. Наиболее объемным классом является класс «Обозначения людей», в нем выделяется ряд подклассов:

– наименования по родству, отношениям дружбы, вражды и т. п.: «Я, право, неги *сын!*» (А. Пушкин), «Я — слабый *сын* больного поколенья» (И. Анненский), «*Дочь* великого города я» (А. Баркова), «Я грубой силы — *враг* заклятый И не пойму ее никак» (А. Жемчужников), «Я ночи *друг*, я дня застрельщик» (О. Мандельштам);

– наименования по профессии, роду занятий: «<...> я до гроба — не изменник: Я *ратник* ваш» (В. Бенедиктов), «Я *лекарь*, и меня судьба к тому призвала; Моя больница — мир» (К. Случевский), «Бог! Можешь спать в своей ночной лазури! Доколе я среди живых — Твой дом стоит! — Я лбом встречаю бури, Я *барабаничик* войск твоих. Я твой *горнист*. — Сигнал вечерний И зорю раннюю трублю» (М. Цветаева);

– наименования по социальному статусу: «Всесилен я и вместе слаб, *Властитель* я и вместе *раб*» (Ф. Тютчев), «Опять в моей душе волшебный мир воскрес, Я снова *царь* своих мечтаний» (Н. Минский), «Я — *патриарх* и мне позволено В румяных соснах удавиться» (Л. Губанов), «Я — ночи вождь и *раб*, но вдруг уже иссохли источники зрачков и разорился лоб?» (Б. Ахмадулина);

– наименования по характерному действию, поведению, ситуации: «Я один меж всей природы, Я во всей вселенной *странник*» (А. Радищев), «Устану ли в тягостной с роком борьбе, <...> Я в мире *боец*; да, я биться хочу» (В. Бенедиктов), «Разве раньше ты не знал, что в любви морях широких Я — *пловец* и ты — *пловец*? нам пристала взглядов мена» (М. Кузмин), «Господи, ты здесь хозяин, Я — только *гость*» (А. Герцык), «да и я — *лжепилигрим*, /как мим /с лицом в слезах (одеколонный грим!)» (В. Соснора);

– прецедентные имена: «Ты — Сафо, я — Фаон², — об этом и не спорю, Но, к моему ты горю, Пути не знаешь к морю» (К. Батюшков), «Как тот севильский Дон-Жуан, Я — *Вечный Жид*, минутный муж. Я знаю сказки многих стран И тайну многих душ» (К. Бальмонт), «Не страшно мне среди бродяг, ругательств, дыма: Ведь я не гость. Я свой. Я уличный *Пьеро!*» (Г. Иванов), «Милой родины мягкий диван! Это я, твой *Илюша Обломов*» (Л. Лосев), «Заместо мясорубки Верчу консервный нож, — Я *Чарли Чаплин* в юбке, Ну что с меня возьмешь?» (И. Лиснянская).

Необходимо отметить, что при использовании в рассматриваемой конструкции названий лиц может наблюдаться гендерное несоответствие, например: «Я поэт — *одалиска* восточная На пирушке бесстыдно языческой» (Н. Клюев), «Бог! — Я живу! — Бог? — Значит ты не умер! <...> Я *барабанищик* войск твоих. Я твой *горнист*» (М. Цветаева).

Наряду с наименованиями лиц используются и наименования богов и сверхъестественных существ; особенно часто они встречаются в поэзии конца XVIII — начала XIX в.: «Я телом в прахе истлеваю, Умом громам повелеваю — Я царь, — я раб, — я червь, — я *Бог!*» (Г. Державин), «Едва ль, Зевес почтенный мой, Я не сойду до атеизма! К чему мне ты? Я сам *Зевес!*» (А. Полежаев), «О, я несчастный *Атлас!* Целый мир, Да, целый мир скорбей нести я должен» (М. Михайлов), «Я весё — весна, когда пою, Я — светлый *бог*, когда целую» (К. Бальмонт).

Если располагать материал по убыванию количества и частоты употреблений единиц, входящих в описываемые семантические классы метафоризируемых имен, то следующим классом после обозначений лиц является класс наименований животных: «В эту ночь я — *червь* на дне морском!» (Я. Полонский), «Я — *мотылек* ночной. Послушно Кружусь над яркостью свечи» (В. Брюсов), «Я — *буренка* мирская, страдальная; Пусть доит Земля мою жизнь-молоко...» (Н. Клюев), «Ты — радостная птица, Я — злой и хмурый *волк*» (С. Черный), «Пусть я *наук* в пыли библиотек: Я просвещенный, книжный человек» (А. Белый), «Льется, ткется из сердца Паутина горячая Золотая — Тебе никуда не деться И ему никуда не деться. Из кончиков пальцев Из ногорук Стальнойю тонкой жарой Обовьюсь, Я — *наук* Золотой» (Е. Шварц). Особенно часто в этом подклассе встречаются наименования птиц: «Я *птица* вольная. Я два крыла раскрыл» (К. Бальмонт), «И я не лебедь ли в своем одиночестве

² Согласно легенде, поэтесса Сафо, когда была уже немолода, полюбила юношу Фаона, тот принял ее любовь, но вскоре возненавидел ее и бросил. Сафо была так расстроена его отказом, что бросилась в море, веря, что либо излечится от своей любви, либо утонет.

гордом? Да, я *лебедь*!..» (В. Горянский), «Я — *соловей*: я без тенденций И без особой глубины... Но будь то старцы иль младенцы, — Поймут меня, певца весны. Я — *соловей*, я — сероптичка, Но песня радужна моя. Есть у меня одна привычка: Влечь всех в нездешние края» (И. Северянин), «Я — *иволга*, мой голос первый В лесу, после дождя» (М. Цветаева).

Столь же активно в функции образов сравнения выступают названия растений: «Вот вы и я: подобье розы милой, Цветете вы и чувством, и красой; Я *кипарис* угрюмый и унылый, Воспитанный летами и грозой» (П. Вяземский), «Она — растение водяное И корни быстрые дает И населяет голубое, Ей дорогое царство вод! Я — *кактус*! Я с трудом великим Даю порою корешок» (К. Случевский), «Я — *древо*, а сердце — дупло, Где Сирина-птицы зимовье» (Н. Клюев), «Я — *пихта* ярая, поэт» (Н. Клюев), «Господи... Вырван с корнем Твой цветок, Господь. <...> Слушай, земля, я — *цветок* /и лечу в замерзающем небе Из Господнего сада» (С. Стратановский).

Помимо названий животных и растений, метафорические характеристики Я-субъекта могут создаваться и другими обозначениями, относящимися к миру природы, которые встречаются реже элементов указанных выше классов; среди них можно отметить слова следующих семантических групп:

– «Свет / темнота, времена суток»: «Ты — в сердце с румянцем стыда. Я — *луч* твой, летящий далеко» (А. Фет), «Я — *ночь* безлунная; о! будь ей ризой звездной, Чтобы, отринув страх, я мог вольней вздохнуть!» (М. Михайлов), «Я между смертными — падающая звезда» (К. Бальмонт), «Я *свет потухших солнц*, я слов застывший пламень Незрячий и немой, бескрылый, как и ты» (М. Волошин);

– «Огонь»: «Я весь — *огонь* и меч, я весь — порыв отмщенья» (П. Якубович), «Я — *искра* пламени на теми, Ты — сгусток копоты на ней» (С. Родов), «Весь я — *искра* огня, что искала во тьме человека» (В. Блаженный);

– «Земля, камни, горные породы»: «Я — деревня, черная земля. Ты мне — луч и дождевая влага» (М. Цветаева), «Я — черная, буду я черной *землицей*» (Ю. Мориц), «Она была — Заря Востока, Я был — незыблемый *гранит*» (А. Блок), «Насильно мил не будешь, Глухого сердца не разбудишь. Я — *камень* на твоём пути. Ты можешь камень обойти» (М. Петровых), «Я — серьезен. Я — *камень*. Я всё перетрогал и взвесил. И всего тяжелее — раздетое сердце мое» (Г. Горбовский), «Я бел, / любимая. / Я — *мел*, / который морем был, / и рыб и птиц имел, / и побелел» (С. Кирсанов), «Я был твоим ночным *песком* И шел по стеклышку пешком В песок земной» (О. Юрьев);

– «Водные объекты»: «Душа моя угрюмая, утренняя, Живет в оковах слов. Я — черная *вода*, пенноморозная, Меж лдяных берегов»

(З. Гиппиус), «Я *озеро*, которому, как Китеж, Твоя судьба навек обречена» (В. Перелешин), «Я — *море*, меня поднимает луна, И волны души отзываются стоном» (В. Шаламов), «Я сам себе *родник, источник, ключик* / (тюремный замок и кривой замок). / Я вылился. И от дождей колючих / озяб душой (и до ума промок)» (С. Петров), «Была я *морем и волной*, Кровинкою Господней» (Е. Шварц);

— «Ветер»: «Я *ветерка* чуть слышный *вздых*» (К. Бальмонт), «Я — *буря*, я — пропасть, я — ночь, Кого обнимаю — гублю» (К. Бальмонт), «Мне беспокойно с собой, как хозяйке *питбуля*. Вот я над малым селом многоглавая *буря*» (М. Степанова).

Следующий семантический класс образов сравнения — названия частей тела. Как показывает наш материал, единицы этого класса начинают использоваться в рассматриваемой конструкции только с XX в.: «Своеволием рока Мы на разных путях бытия, Я — печальное *око*, Ты — веселая резвость *ручья*» (Ф. Сологуб), «Войди в меня, как в одержимого демон, Я — *уста*, говори, кричи мною» (В. Брюсов. К народу), «Я — *ухо* мира! Я — его *рука*! Он мне диктует. Ночью до рассвета» (Б. Слуцкий), «В неловкой позе у стола присев, / располагаю голову и плечи, / чтоб обижал и ранил их процесс, / к устам влекущий восхождение речи. / Я — *мускул*, нужный для ее затей» (Б. Ахмадулина), «Россия, / я — твой *капиллярный / сосудик*, / мне больно, когда — / тебе больно, Россия (А. Вознесенский).

В функции образов сравнения используются и разнообразные наименования предметов, созданных человеком. Они встречаются в поэзии уже с начала XIX в. Это названия механизмов: «Итак, я *автомат* презренный, Слепым лишь случаем рожденный?» (Н. Арцыбашев), музыкальных инструментов и их элементов: «И выше, выше я парил, <...> И сотряслись мои составы, И зазвучали как тимпан: <...> Мои все жилы были струны, Я сам — хваления *орган*» (С. Шевырев), «Я не трубочка — *труба*. Дуй, Время!» (И. Эренбург), «Глядишь, за неимением лучшего / и я — *одна из Божьих клавиш*» (Ю. Кублановский), оружия: «<...> я ваше Неизменное *копье*!» (Н. Языков. К.К. Павловой), «Я — *меч*, заостренный с обеих сторон» (А. Блок).

В XX в. класс обозначений предметов расширяется, пополняясь разнообразными элементами, среди которых можно отметить, например, слова следующих семантических групп:

— «Источники света»: «я — темный мотылек, Но я и светлая *свеча*» (В. Брюсов), «Я не *факел*, Я *свечка* простая» (Б. Слуцкий), «Я — лишь *фонарик* на корме» (В. Соснора);

— «Бумага»: «Я — *страница* твоему перу. Всё приму. Я белая страница. <...> Ты — Господь и Господин, а я — Чернозем — и белая

бумага!» (М. Цветаева), «Смерть! Я — белая *страница!* Чего ты хочешь — напиши!» (В. Хлебников);

– «Бытовые предметы»: «Я — хрустом тухнувшая *пеишь*, — Пеку прием: стихи — в начинку» (А. Белый), «Я — *кресало для огнива* Животно-испуганных глаз, глупо-прелестных черною прелестью» (В. Хлебников), «Я *ковиш* мечты. Из глубины зачерпнут Моей томящей творческой тоской» (А. Несмелов), «Я — ржавый *гвоздь*, что идет на гроб» (Б. Слуцкий).

В поэзии конца XX в. активизируются обозначения лирического субъекта словами со значением 'остаток, отделившаяся часть чего-л.' (ср. «Я на дне, я печальный *обломок*» И. Анненского): «Я — не оставившей объедков эпохи /случайный *огрызок*, *объедок*» (Е. Евтушенко), «Вы человек? Нет, я *осколок*, /голландской печки черепок» (Л. Лосев), «И сам я только *клок* сукна» (М. Степанова). В этот же период в функции образов сравнения появляются слова, обозначающие родовое понятие, — *вещь*, *предмет*: «Я *вещь* твоя, XX век» (А. Вознесенский), «Я готов быть *предметом* /из прошлого» (И. Бродский).

Два семантических класса образов сравнения в конструкции с Я играют особую роль в характеристике лирического субъекта — поэта.

Это, во-первых, слова со значением «Звук»: родовое обозначение *звук*: «Когда, простясь с недолгим бытиём, Я буду только *звук* в твоих устах, <...> Тогда возьми простую арфу ты, Она была мой друг и друг мечты» (М. Лермонтов), «Я *звук*, я вздох, я зайчик на паркете» (В. Ходасевич), «Я был скорее *звуком*, чем — /стыдно сказать — *лучом* /в царстве, где торжествует чернь, /прикидываясь *грачом*» (И. Бродский) и обозначения различных звуков: *эхо*, *возглас*, *крик*, *шепот*, *стон* и т.д.: «Не я пою — народ поет. <...> Народом песня создана, <...> Я только *эхо* песни той Святой, младенчески простой» (Л. Трефолев), «Я *возглас* боли, я *крик* тоски» (К. Бальмонт), «Я шалый *шепот* табака» (Л. Губанов), «Я — *стон* крещеных дудок» (Л. Губанов).

В этом классе обозначений надо особо отметить регулярно повторяющееся слово *голос*, метафорически характеризующее поэта (метафорические отношения взаимодействуют при этом с метонимическими): «Я не создатель, нет — я только страстный *голос*» (И. Коневской), «Это я — /перекатная голь Москвы. // Это я — *голос* ее тоски» (Н. Асеев). Образную параллель «Я — *голос*» обновляет контекст М. Степановой, в котором слово *голос* входит в окказиональное многочленное сложение: «При лице литературы Вроде я колоратуры, Вроде я фиоритуры — *Волос-голос-завиток*».

Во-вторых, для метафорической характеристики Я-поэта важны обозначения семантического класса «Язык, речь, текст». Надо отметить, что они появляются в исследуемой конструкции не с самого раннего периода русской поэзии, начинают фиксироваться в соответствующих контекстах с конца XIX в. и становятся широко распространенными и все более разнообразными в XX в., некоторые из них носят терминологический характер: «Я — слово мира, — без меня Он глух и нем от века» (Д. Мережковский), «Я — Неба дальнего рассказ» (К. Бальмонт), «Я — изысканность русской медлительной речи, <...> Я — изысканный стих» (К. Бальмонт), «Я — уст безвестных разговор, Я — толпи дремучих диалектов» (Б. Пастернак), «Я — стилистический прием, Языковые идиомы!» (А. Белый), «Я теперь не прошедшее — давно прошедшее, / не перфектум — плюсквамперфектум» (Б. Слуцкий), «Я старый глагол в современной обложке» (Б. Ахмадулина), «Я — “фита” в латинском наборе» (А. Цветков), «Ходили и мы по крышам элеваторов с пассивным запасом / молча словно планету держа в зубах / я — Запятая Ты — двоеточие; был бойкий город как на ладони» (А. Парщиков), « — Я аббревиатура идиота / и — полный нуль» (А. Митронов).

Рассматриваемые конструкции самоидентификации в большинстве своем формируют образ лирического субъекта — поэта, который в поэтическом языке получает многоаспектную характеристику.

Часть образов, характеризующих поэта, связана с определенными периодами развития литературы. Так, в 1920–1930-е гг. в русской поэзии развивается новая образная параллель «Поэт — производственное предприятие»: «Может быть, / нам / труд / всяких занятий роднее. / Я тоже фабрика. / А если без труб, / то, может, / мне / без труб труднее» (В. Маяковский), «Перебросилось в сердце сотрясенье турбины. Я — мастерская, пронизанная шумами» (О. Мандельштам).

В XX в. появляются и новые элементы в составе различных семантических классов образов сравнения, прежде всего новые наименования профессий: «Я полпред стиха — и я с моей страной вашим штатишкам бросаю вызов» (В. Маяковский), «Нелегкое дело, товарищ, Ломать одиночества крепь, Из сердца и сердца сваривать Стальную гремучую цепь. И вот, я — настойчивый зодчий, И тот, кто вздувает меха, — Инженер, и — потный рабочий, Молотобоец в кузне стиха» (Б. Нарциссов), «Я ночной таксист. По любому / знаку, крику /я торможу, /открываю дверцу любому, / и любого я отвожу. / Я обслуживаю стихами, / как таксист — такси, / всех подряд» (Б. Слуцкий). Пополняется также группа названий меха-

низмов: «Я — слов *приводные ремни* На быстрые шкивы мозгов!» (Б. Нарциссов).

Образная характеристика поэта предполагает также отсылки к творчеству других авторов и использование в составе метафор их имен. Часть таких контекстов носит иронический характер: «Я — новый *Байрон!*» — так кругом Ты о себе провозглашаешь. Согласен в том: Поэт Британии был хром, А ты — в стихах своих хромаешь» (Д. Минаев), «— ладно, я *пригов* — скажу, от вас упрыгав» (М. Степанова). Ирония отсутствует, как правило, в конструкциях с отрицанием: «Нет, я не *Байрон*, я другой, Еще неведомый избранник, Как он гонимый миром странник, Но только с русскою душой» (М. Лермонтов), «Нет, я не *Байрон*, и не арлекин, Что делать мне с тобою, сердце-море?» (Г. Адамович), «Я не *Дмитрий Алексаныч*, / Дмитрий Алексаныч умер, / Я не *Александр Сергеич*, / Александр Сергеич жив» (М. Степанова).

В поэзии круг метафорических отождествлений поэта может предельно расширяться. Так, в рассматриваемой конструкции идентификации в ряде случаев поэт прямо утверждает тождество себя со всем миром: «Я — целый мир. Всё то, что вижу я и знаю, / всё это — я, и лишь во мне живет; / всё это я своим сознанием создаю, / и это всё со мной умрет» (Н. Недоброво). В стихотворении И. Холина перечень субстантивных предикатов включает и прецедентные имена, и указание на адресата, и обозначение конкретного объекта, и тавтологическое утверждение: «Я сравниваю себя / Со всем Миром / Я — Эйнштейн / Вместе с теорией относительности / Я — недостроенный 12-этажный дом / С моей кооперативной квартирой / На третьем этаже / Я Пушкин / С поэмами / И стихами / Я — ты / Я — Я».

Для композиции поэтических текстов, в которых встречаются конструкции метафорической самоидентификации, характерно использование параллелизма, связанного с отсылкой к описываемым реалиям. Например, в стихотворении Александра Полежаева «Ахалук» сначала идет детальное описание этого предмета одежды, а затем происходит сопоставление его с лирическим Я: «Ахалук мой, ахалук, Ахалук демикотонный, Ты работа нежных рук Азиатки благосклонной! <...> И серебряной тесьмою, Как волнистою струею Дагестанского ручья, Обвились твои края. <...> Ах, серебряная змейка, Ненаглядная струя — Это ты, моя злодейка, Ахалук суровый — я!».

В стихотворении А. Фета «Хандра» описание осенней погоды проецируется на лирического субъекта: «Когда на серый, мутный небосклон Осенний ветер нагоняет тучи И крупный дождь в стекло моих окон Стучится глухо, в поле вихрь летучий Гоняет желтый

лист и разложён Передо мной в камине огонь трескучий, — *Тогда я сам осенняя пора*: Меня томит несносная хандра».

Другой композиционной особенностью текстов, в которых встречаются рассматриваемые конструкции, является соотношение взаимосвязанных общей ситуацией лирического субъекта и адресата (Я — Ты), чаще всего в таких текстах развивается тема отношений между людьми: «Я — *король*. Ты — *королева*. Мы в войне. Я главных сил И фельдмаршала их Гнева Не боюсь. Я б их разбил» (А. Майков), «Я — *заказчик*, ты — *купец*: нам пристала взглядов мена. <...> Ты — *судья*, а я — *истец*: нам пристала взглядов мена. На охоте ты — *олень*: скоры ноги, чутки уши, Но и я *лихой ловец*: нам пристала взглядов мена» (М. Кузмин), «Я — *алхимик*. / Ты — *моя проблема* / вечная... / Тебя не разрешить (Б. Окуджава).

Итак, конструкции самоидентификации, включающие метафорический субстантивный предикат, широко распространены в русской поэзии XVIII–XXI вв., при этом часть образов носит устойчивый характер, а часть является индивидуально-авторскими метафорами, основанными на различных семантических отождествлениях лирического субъекта. В поэтической речи конца XX — начала XXI вв. появляются нестандартные образные параллели, не имеющие соответствий в предшествующем периоде. Например: «Я *сметана*, меня полкило» (М. Степанова), «Я *мастер по ремонту крокодилов*» (А. Еременко), что говорит о лингвокреативности современных поэтических практик и о большей свободе творческого мышления.

Я-субъект в поэтической речи характеризуется разными образами сравнения. Наиболее объемным классом образов сравнения является класс наименований лиц. Традиционные ряды образов сравнения в рассматриваемой конструкции обновляются, пополняясь новыми элементами. В поэтическом языке развиваются и новые классы образов сравнения. Так, в поэзии XX в. появляются метафоры, представленные названиями частей тела и единицами семантического класса «Язык, речь», последнее говорит об усилении метаязыкового начала в поэзии. Наиболее ярким воплощением собственно-личного субъекта является образ поэта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Золян С.Т. Местоимение «Я»: механизм само- и ино-описания // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2023. № 2. С. 26–39.
2. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986. 205 с.
3. Корчагин К. Подозрительный субъект: к типологии субъекта в русской поэзии XX–XXI вв. // Субъектная структура лирики: коллективная монография. М., 2024. С. 47–59.

4. Левин Ю.И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С.464–482.
5. Малкина В.Я. Типология лирических субъектов // Новый филологический вестник. 2025. № 4 (67). С. 20–31.
6. Маркасова Е. В. Адъективный предикат «плохой/хороший» при местоимении Я // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. *Humanitates*. 2023. Т. 9. № 4 (36). С. 23–35.
7. Палеха Е.С. Поэтический текст в рамках коммуникативного подхода (на примере стратегии самопрезентации в поэтическом дискурсе Н. Гумилева) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 6. С. 241–251.
8. Стариченок В.Д. Категория вторичности и ее репрезентация в поэтическом дискурсе: на материале суппозитивных структур // Текст, контекст, интертекст: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XIII Виноградовские чтения, ч. 1. М: МГПУ, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bspu.by/server/api/core/bitstreams/0fbf3f16-27c5-4ae0-854f-14784c36f21d/content> (дата обращения: 4.12.2025).
9. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985. 335 с.
10. Субъект в новейшей русскоязычной поэзии — теория и практика /Ed. by H. Stahl, E. Evgrashkina. Berlin a.o.: Peter Lang, 2018. 448 p. (*Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien*).
11. Субъект и лиминальность в современной поэзии. Т. 8.1. Границы, пороги, лиминальность и субъективность в современной русскоязычной поэзии / Под ред. Е. Фридрихс и Х. Шталь. Berlin a.o.: Peter Lang, 2020. 391 p.
12. Шестакова Л.Л., Кулева А.С. Местоимение «Я» в поэтическом языке Серебряного века по данным сводного авторского словаря // Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 28–54.
13. Russian Literature. Vol. 109–110, November — December 2019. Special Issue: The Lyrical Subject in Contemporary Russian Poetry. Guest Editor: Henrike Stahl.

REFERENCES

1. Korchagin K. Podozritel'nyi sub"ekt: k tipologii sub"ekta v russkoi poezhii XX–XXI vv. [The suspicious subject: Toward a typology of the subject in the 20th — 21st centuries Russian poetry]. *Sub"ektnaya struktura liriki: kollektivnaya monografiya* [The subject structure of lyrics: A collective monograph]. Moscow, Editus Publ., 2024, pp. 47–59. (In Russ.)
2. Kovtunova I.I. Poehticheskii sintaksis [Poetic syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 205 p.
3. Levin Yu.I. Lirika s kommunikativnoi tochki zreniya [Lyrics from a communicative point of view]. Levin Yu.I. *Izbrannye trudy: Poehtika. Semiotika* [Selected Works: Poetics. Semiotics]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1998, pp. 464–482. (In Russ.)
4. Malkina V.Ya. Tipologiya liricheskikh sub"ektov [A typology of lyrical subjects]. *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 2025, no. 4 (67), pp. 20–31. (In Russ.)
5. Markasova E.V. Ad"ektivnyi predikat «plokhoi/khoroshii» pri mestoimenii Ya [Adjectival predicate “bad/good” with the pronoun I]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [Bulletin of Tyumen

- State University. Humanitarian studies. Humanitates]. 2023, vol. 9, no. 4 (36), pp. 23–35. (In Russ.)
6. Palekha E.S. Poehticheskii tekst v ramkakh kommunikativnogo podkhoda (na primere strategii samoprezentatsii v poehticheskom disкурse N. Gumileva) [Poetic text within the framework of the communicative approach (based on the strategy of self-presentation in N. Gumilev's poetic discourse)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2010, vol. 152, no. 6, pp. 241–251. (In Russ.)
 7. *Russian Literature*, vol. 109–110, November — December 2019. Special issue: The lyrical subject in contemporary Russian poetry. Guest Editor: Henrike Stahl.
 8. Shestakova L.L., Kuleva A.S. Mestoimenie «Ya» v poehticheskom yazyke Serebryanogo veka po dannym svodnogo avtorskogo slovarya [The pronoun “I” in the poetic language of the Silver Age according to the consolidated author's dictionary]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 2025, no. 1, pp. 28–54. (In Russ.)
 9. Starichenok V.D. Kategoriya vtorichnosti i ee reprezentatsiya v poehticheskom disкурse: na materiale suppozitivnykh struktur [The category of secondariness and its representation in poetic discourse: Based on suppositive structures]. *Tekst, kontekst, intertekst: sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii XIII Vinogradovskie chteniya, ch. 1*. Moscow, Moscow State Pedagogical University, 2014. URL: <https://elib.bspu.by/server/api/core/bitstreams/0fbf3f16-27c5-4ae0-854f-14784c36f21d/content> (accessed 4.12.2025).
 10. Stepanov Yu.S. V trekhmernom prostranstve yazyka: semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva [In the three-dimensional space of language: Semi-otic problems of linguistics, philosophy, and art]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1985. 335 p.
 11. Sub'ekt i liminal'nost' v sovremennoi poehzii. Tom 8.1. Granitsy, porogi, liminal'nost' i sub'ektivnost' v sovremennoi russkoyazychnoi poehzii [Subject and liminality in contemporary poetry. Volume 8.1. Boundaries, thresholds, liminality, and subjectivity in contemporary Russian language poetry]. Ed. by E. Friedrichs and H. Stahl. Berlin a.s.: *Peter Lang*, 2020, 391 p.
 12. Sub'ekt v noveishei russkoyazychnoi poehzii — teoriya i praktika [The subject in contemporary Russian language poetry — theory and practice]. Ed. by H. Stahl, E. Evgrashkina. Berlin a.o.: *Peter Lang*, 2018. 448 p. (Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien)
 13. Zolyan S.T. Mestoimenie «Ya»: mekhanizm samo- i ino-opisaniya [“I” as a subject of self- and other-reference: A linguistic perspective]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], 2023, no. 2, pp. 26–39. (In Russ.)

Поступила в редакцию 31.01.2026

Отредактирована 26.05.2026

Принята к публикации 31.08.2026

Received 31.01.2026

Revised 26.05.2026

Accepted 31.08.2026

ОБ АВТОРАХ

Наталья Анатольевна Николина — к.ф.н., профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета;
na.nikolina@mpgu.su

Зоя Юрьевна Петрова — к.ф.н., ведущий научный сотрудник Института русского языка РАН; zoypar@mail.ru

Наталья Александровна Фатеева — д.ф.н., главный научный сотрудник Института русского языка РАН; nafata@rambler.ru

ABOUT THE AUTHORS

Nataliya A. Nikolina — PhD, Professor, Department of Russian Language, Moscow State Pedagogical University; na.nikolina@mpgu.su

Zoya Yu. Petrova — PhD, Leading Research Fellow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences; zoyap@mail.ru

Natalia A. Fateeva — Prof. Dr., Chief Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences; nafata@rambler.ru